

Состоявшаяся в РГПУ им. А. И. Герцена конференция ЮНЕСКО стала своеобразным «публикационным поводом» для проведения в прямом эфире телеканала «Ваше общественное телевидение» специального обсуждения проблем инклюзивного образования. Этому был посвящен выпуск программы «Социум» 26 июня 2008 г., в котором ведущая — советник председателя Совета Федерации РФ Н. Л. Евдокимова — беседовала с ректором Герценовского университета Г. А. Бордовским и деканом факультета коррекционной педагогики В. З. Кантором. В предлагаемом материале представлены фрагменты этой телебеседы, публикуемые с некоторыми сокращениями и редакторской правкой.

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (телебеседа с Г. А. Бордовским и В. З. Кантором)

Г. А. Бордовский: У нас все еще идут дискуссии по поводу того, нужна система инклюзивного образования или, наоборот, необходимо решать вопросы как раз с противоположных позиций — создавать особые условия людям с особыми потребностями и, таким образом, развивать их в отдельности от других членов общества.

Эта проблема для нас сегодня может и должна быть проблемой номер один, потому что когда у нас было нечто объединяющее в виде социалистической идеи, в виде государства, которое за все отвечало, мы сформировали систему, отличную от системы на Западе: мы создавали специальные школы-интернаты, специальные программы, готовили специальных педагогов, создавали специальные рабочие места и т. п.; Общество слепых, Общество глухих — они все делали специально.

Сегодня же у нас той единой государственной «крыши», под которой мы раньше объединялись и под которой все эти вопросы решались, нет, и стало ясно, что мы будем единым обществом только в том случае, если найдем каждому место в обще-

стве — не в какой-то отдельной группе, где он, так или иначе, сможет оказаться в силу своих жизненных обстоятельств, а именно во всем нашем обществе. И эта проблема, как я полагаю, для нашей страны, сегодня, может быть, даже более актуальна и остра, чем для западных стран, потому что мы подзадержались в осмыслиении того подхода, с помощью которого ее надо решать.

Сегодня стало понятно, что мы практически все нуждаемся в инклюзивном развитии, то есть мы все, независимо от наших талантов, способностей, состояния здоровья и т. д., должны развиваться вместе. Это вынуждает нас думать о том, как нам догонять тех, кто к решению этих вопросов давно подходил с конструктивных позиций.

В. З. Кантор: Идея инклюзивного образования применительно к той категории людей, которых называют лицами с ограниченными возможностями здоровья, базируется на признании того, что не только эти люди должны дотягиваться до некоего стандарта, «спущенного» им откуда-то сверху или навязанного извне, а что этот стандарт должен определяться так, чтобы

он не отторгал членов общества, вроде бы до него сегодня «не дотягивающих». И инклюзивная школа, как ее понимают наши западные коллеги, школа для всех, своей основной идеей имеет как раз представление о том, что не только ребенок с нарушением развития должен тянуться, словно бы на перекладине, до того уровня, который ему задали, но этот уровень должен быть задан так, чтобы этот ребенок был в состоянии до него дотянуться. Иначе говоря, образовательная инклюзия — это встречное движение двух сторон, это движение самого человека, имеющего проблемы в развитии, и общества, которое должно создать для него те условия, при которых бы эти пресловутые ограничения возможностей минимизировались в предельно возможной степени. Вот в этом — квинтэссенция идеи инклюзивного образования. И хотя на Западе практическое воплощение данной идеи тоже продвигается по-разному, разными темпами, но, — и это, наверное, самое главное, — залогом ее воплощения является то, что соответствующая проблема в обществе публично, открыто поставлена, и существует законодательная база для ее решения. Эта база, кстати, формируется по-разному: есть государства централизованные, где как, скажем, во Франции или Португалии, существует единый для всей страны закон, есть государства с федеративным устройством, например Германия, в которой эти вопросы решаются в зависимости от специфики отдельных федеральных земель.

Что касается морально-психологического аспекта инклюзивного образования у нас в стране, то нужно понимать, что те взрослые люди, которые 20–30–40 лет назад были детьми и учились изолированно от сверстников с нарушениями в развитии, до сих пор не готовы к тому, чтобы воссоединиться с ними в едином обществе, ведь они представления не имели о том, что где-то в «параллельном мире» существуют такие дети. И, конечно, для сложившегося зрелого человека, у которого уже сформировались определенные стереотипы, оказывается очень трудной задачей вдруг

осознать, что существуют другие люди, которым надо помочь, с которыми надо быть рядом. А обучение в условиях образовательной инклюзии, когда, начиная с дошкольных учреждений, те, кого мы считаем «обычными» и «нормальными», учатся с теми, кого мы до сих пор «выносили за скобки» нормы, когда они ссылаются вместе, полезно не только для тех, кого мы традиционно называем инвалидами, но в еще большей степени — для тех, кто считает себя носителями нормы. Это воспитывает в духе активной помощи — не жалости, а именно помощи — тем, кому труднее, чем сегодня тебе.

Г. А. Бордовский: Для меня проблема инклюзивного образования — это не столько проблема педагогическая, методическая или даже законодательная, это, прежде всего, проблема состояния общества. У нас в силу того, что мы развивались весьма своеобразно — в том смысле, что не очень внимали в проблемы другого, — получилось, что многие люди не осознают своего счастья быть здоровыми, не осознают счастья быть успешными, быть талантливыми, и в силу того, что они не знают этого счастья, они не могут понять и несчастья другого человека. Счастливый человек всегда готов поделиться тем, что у него есть, и проблема инклюзивного образования должна решиться только одним образом: человек, у которого возможностей в том или ином отношении больше — допустим, он занимает более высокое должностное положение, имеет больше физических или финансовых ресурсов и т. п., использует все это для того, чтобы поделиться этим, поскольку он ценит то, что ему дано природой, определено Господом Богом или стечением обстоятельств.

Поэтому проблема инклюзивного образования есть проблема оздоровления общества. Здоровье общества, его успешность могут быть оценены по тому, как оно относится к людям с ограниченными возможностями или инвалидам. Это показатель того, хорошо ли у нас все в нашей жизни или, наоборот, далеко не хорошо.

В. З. Кантор: В свое время мы провели исследование, чтобы понять, как наше студенчество относится к инвалидам. Студенты были интересны тем, что, с одной стороны, это наиболее интеллектуализированная часть молодежи, это некая элита, мнение которой к тому же не просто репрезентативно, а еще и значимо с точки зрения того, что они потом будут транслировать его в будущее; с другой стороны, в силу возраста студенты еще являются носителями тех ценностей, которые были сформированы в их семье, поэтому они были интересны и как своего рода «индикаторы» соответствующих подходов в семейном воспитании.

Так вот, мы обследовали свыше 500 студентов в более чем 40 питерских вузах, и вырисовалась весьма серьезная картина, которая заставляет задуматься: в обобщенном виде позиция современного студента такова — умом понимаю, что инвалид может достигать высокого уровня профессионального образования, выполнять высококвалифицированную работу, на эмоциональном уровне глубоко его за это уважаю, но на работу не возьму; равным образом — понимаю, что инвалид может быть достаточно независимым в быту, самообслуживаться, вести домашнее хозяйство, в эмоциональном плане очень уважаю его за это, но жить в одной комнате в общежитии не буду. Это та позиция, которая определяется формулой «*в принципе, да*», когда человек, казалось бы, и понимает все, и даже чувствует «правильно», но от взаимодействия с инвалидом отказывается. Это та социальная установка к инвалидам, которая блокирует взаимодействие с ними именно на поведенческом уровне, и как раз в ней и коренится главная проблема, с которой мы сталкиваемся сейчас в силу того, что не воспитывали детей в условиях взаимодействия со сверстниками, имеющими ограниченные возможности здоровья.

Западные коллеги, понимая это, пытаются с раннего возраста обеспечивать образовательную инклюзию, а она, между тем, воспитывает не только здоровых детей, но и

их родителей и их друзей, а с другой стороны — воспитывает и родителей детей-инвалидов. Ведь еще одна из проблем, с которой мы сталкиваемся у нас в стране, пытаясь внедрять идеи инклюзии, это проблема определенного сопротивления со стороны родителей детей-инвалидов.

Как ни парадоксально, многие родители, имеющие ребенка-инвалида, мысля традиционно, исходят, и не без оснований, из того, что ему комфортнее и спокойнее до определенного момента будет учиться в специализированном образовательном учреждении — там специальные условия, там специальные педагоги, там среда товарищей по судьбе, и это вроде бы до поры до времени упрощает ситуацию. Но ведь потом-то этот ребенок должен выйти в реальное общество, а оно, оказывается, его не ждет, потому что родители «обычных» детей — тоже не сторонники образовательной интеграции. В результате всех этих рассогласований морально-психологического свойства мы пока не можем по-настоящему сдвинуться с места.

Г. А. Бордовский: Я родился и вырос в очень глухой сибирской деревне, где все на виду, все известно. И в ней, да, впрочем, и не только в ней, но и во всех селах, обязательно было несколько человек, которых можно и нужно было отнести к категории людей с проблемами в развитии, с ограниченными возможностями. Так вот, они фактически находились на попечении всего общества, всей деревни. Они часто жили у кого-то, у кого была соответствующая возможность, их содержали, кормили, им помогали; то есть люди знали, что среди них живут люди, являющиеся другими, — обездоленные, обиженные судьбой и т. д., и делились с ними, чем могли — кто углом, кто куском хлеба, а кто — работой, которую можно дать, и этим каким-то образом включить их в общественную жизнь.

Я хочу сказать, что это — единственный путь, и не существует никакого иного пути, кроме как попытаться понять и двигаться в направлении того, что мы живем на одной

земле, в одном обществе, дышим одним воздухом.

В. З. Кантор: Необходимо осознать, что, во-первых, крепость цепи, как известно, определяется самым слабым ее звеном. Если мы хотим построить крепкое общество, то социально уязвимое звено, о котором мы сегодня говорим, должно быть максимально крепким, и только тогда наше общество будет сильным.

Во-вторых, надо понимать, что это, так сказать, мы с вами по принципу подавляющего большинства постановили, что так, как мы — это, дескать, норма, а вот если не так, как мы, то кто не с нами, тот против нас.

В действительности же эта граница более чем условна, она мима и в чисто житейском, и в собственно философском смысле. Перевернись внезапно социальная норма, и все мы, кто пять минут назад считал себя абсолютным носителем эталонности, окажемся «вне закона». Как только мы это поймем, наше общество станет другим и инклюзией будет проникнута и наша жизнь, и наше сознание, она станет не искусственно навязываемой извне, не привносимой, а естественной нормой существования.

Г. А. Бордовский: У нас в университете была удивительная программа, но, к сожалению, это уже в прошлом. Было реализовано, так сказать, полуинклюзивное обучение, потому что речь идет все-таки о специализированной группе студентов-инвалидов. Эта группа — 31 человек — состояла из людей с проблемами опорно-двигательного аппарата. Это, иначе говоря, были инвалиды-колясочники, и они обучались профессии, которая чрезвычайно удобна для этой категории людей — юридической. Выяснилось, что многие юридические службы как раз подчеркивали, что люди с этими проблемами оказываются более внимательны, более тщательны, они зачастую гораздо более эффективны в своей работе, нежели люди с другими интересами и воз-

можностями. И на самом деле все они трудоустраивались еще на выпускных курсах, то есть отнюдь не были безработными. Они готовили материалы для адвокатов, для судей, для следователей и т. д.

Но проблемы сразу вошли в нашу жизнь, и мы их очень остро ощутили. Во-первых, для того чтобы приехать в университет, этим студентам был нужен особый транспорт, они не могли приехать ни в одном автобусе. Мы вынуждены были купить специальные машины. Во-вторых, нужны были люди, которые бы помогали таким студентам, и мы организовали специальную службу, которая забирала их из дома, ведь многих нужно было по лестницам спустить, поскольку они не могли в лифте спуститься. Затем пришлось сделать пандусы, нужно было по-другому организовать туалеты. Кроме того, стало понятно, что мы должны этих студентов обеспечить другой информационной базой, поскольку такого человека нельзя просто отправить в библиотеку, сказать — поезжай в Публичку и т. д.

Словом, возникла масса проблем, которые надо было решать, но опыт показывает, что если ты их решил, то результат получается стопроцентный.

Я очень жалею, что эта программа завершилась. Это была городская губернаторская программа. Видимо, по какой-либо причине решили, что не стоит тратить городские деньги на такого рода проблемы, может быть, посчитали, что выгоднее платить таким людям пособие, а не обучать их и включать в жизнь общества.

Я, однако, считаю, что мы должны рассуждать иначе — нужно любые деньги использовать для того, чтобы людей с ограниченными возможностями включить в общество, в общественную жизнь, потому что от этого польза будет и этим людям, и обществу. Мы здесь двойную проблему за одни деньги можем решить.